

Догматика без догматизма

АНТОН
ТИХОМИРОВ

Антон Тихомиров

Догматика без догматизма

«Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея»

2013

Тихомиров А.

Догматика без догматизма / А. Тихомиров — «Библейско-богословский институт святого апостола Андрея», 2013

В данной книге основные проблемы как общехристианского, так и евангелическо-лютеранского богословия описываются, с одной стороны, на вполне традиционном языке, с другой стороны – через призму их современного осмысления. Автор ставит перед собой задачу наладить диалог между устоявшимися догматическими формулами и свободным богословским размышлением. Цель автора – говорить о Боге, не отвергая заведомо современное мышление (в том числе и в его секулярных формах), а используя его, иногда споря с ним, но и на него опираясь.

© Тихомиров А., 2013

© Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея, 2013

Содержание

Введение	6
Глава 1. Смысл богословия и особенности евангелическо- лютеранского богословского мышления	8
Глава 2. Герменевтические предпосылки изучения богословия	11
Глава 3. Понятие Бога	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Антон Тихомиров

Догматика без догматизма

© Антон Тихомиров, 2013

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2013

* * *

Введение

Памяти отца

Думаю, не ошибусь, если скажу, что для очень многих христиан вера – это некое подобие альтернативной реальности. С большей или меньшей степенью убежденности они предполагают существование неких невидимых глазу существ (от Бога до ангелов и демонов) и неочевидных законов (например, что за совершенное при жизни зло последует наказание после смерти). Верить в таком смысле – значит создавать для себя (или принимать как свой кем-то другим созданный) особый мир, отличный от того, который мы воспринимаем органами чувств и можем осмыслить разумом. В этом случае «глубоко верующим» назовут того человека, который особенно твердо уверен в наличии такого мира и последовательно соотносит с ним (а не с видимой реальностью) свои поступки. Понимаемая так вера – это *принятие на веру* неких недоказуемых утверждений, знаний и образов.

С одной стороны, немало людей тянется к церкви как раз потому, что настоящий мир (или их положение в нем) кажется им неудовлетворительным, и они стремятся обрести себе некий новый мир. Нередко на привлечении именно таких людей строится миссионерская политика церкви: нужно найти тех, у кого чувство реальности по тем или иным причинам ослаблено, и разрекламировать им предлагаемую в церковном учении альтернативную картину мира как истинную. Дитрих Бонхеффер, крупнейший богослов и церковный деятель XX века, назвал подобное «религиозным изнасилованием».

С другой стороны, именно такое понимание веры становится причиной того, что сегодня многие люди отворачиваются от христианства. С их точки зрения, гораздо разумнее не руководствоваться своими или чьими-либо фантазиями, а твердо придерживаться реалий и законов нашего мира. Альтернативная реальность хороша для компьютерных игр, но не для оценки жизненных ситуаций. Такие люди воспринимают религию как следствие душевной слабости и едва ли не как разновидность психического расстройства (вроде того, при котором переживший тяжелое потрясение человек может «оторваться от реальности»: например, считать своего умершего близкого по-прежнему живым).

Подобные представления о сущности веры являются глубоким заблуждением. Подлинная вера не создает для человека альтернативной реальности (со своими персонажами и правилами игры) и не навязывает ее окружающим, а пытается проникнуть вглубь реальности существующей. Верить по-настоящему – значит принимать мир таким, каков он есть, ничего к нему не домысливая, но в то же самое время видеть, что у него есть таинственная глубина, сокрытая от поверхностного взгляда.

Когда-то я слышал от одной женщины, что она не любит ходить по музеям, зато с большим удовольствием смотрит документальные фильмы, о них рассказывающие. «В самом деле, – говорила она, – возьмем какое-нибудь старинное украшение. В витрине музея оно кажется невзрачным и неинтересным, мимо него проходишь, не останавливаясь. Но оператор в фильме умеет так показать то же самое украшение, а ведущий так рассказать о нем, что не можешь оторвать глаз от экрана». Похожим образом дело обстоит и с верой: она не придумывает чего-то нового, а видит и рассказывает о самых обыденных и привычных событиях, явлениях и вещах так, что они начинают «играть», обретают глубину и неизвестный доселе смысл.

Не принимать на веру наличие каких-то недоказуемых реальностей, а смотреть вглубь реальности, уже данной нам, нашим чувствам и нашему разуму – вот что такое вера. Цель данной книги состоит в том, чтобы рассказать о ней.

Изначально речь шла о проекте создания небольшого вводного курса по основным богословским дисциплинам, в том числе по систематике. В рамках этой работы были подготовлены материалы краткого введения в догматику для начинающих изучать богословие, на базе которых была создана настоящая книга. В ней простые исходные тексты, написанные на традиционном языке, соединились с новыми, содержащими современное осмысление многих богословских проблем. Задачей стало рассмотреть основные богословские темы, опираясь на традиционное учение, но не «привязываясь» к нему намертво; наладить своего рода диалог между устоявшимися формулами и свободным богословским размышлением. Насколько органично это получилось, судить читателю.

Книга является авторской и потому во многом отражает мою личную точку зрения на ряд богословских вопросов. Тем не менее, ее содержание нигде не выходит за рамки официального вероисповедания Евангелическо-лютеранской церкви, хотя иногда предельно заостряет или специфическим образом преломляет некоторые важные его вопросы. Разумеется, уделяемое отдельным догматическим темам место и внимание также отражает авторские предпочтения и интересы.

Я не уверен, что эта книга может быть названа «Занимательным богословием», поскольку в итоге изложение все же не всегда настолько просто и наглядно, как того хотелось бы автору, однако намерением было представить самые серьезные вопросы современного богословия максимально доступно.

Книга построена таким образом, чтобы дать читателю представление о целях и смысле богословия: как христианского в целом, так и евангелического в особенности, познакомить с его основными темами, а также ввести в наиболее актуальные дискуссии, ведущиеся сегодня в богословских кругах. Итогом хотелось бы видеть возникновение у читателя желания самому задумываться над обозначенными темами, искать собственные подходы к ним, задавать новые вопросы и стремиться к ответам на них. При этом речь идет не столько о том, чтобы дать читателю минимально необходимый набор знаний, сколько о том, чтобы помочь ему постигнуть саму суть христианского вероучения, показанного сквозь призму лютеранского вероисповедания, проникнуться его духом; не узнать что-то о христианстве в его евангелическо-лютеранской форме, а понять его изнутри. Понять лютеранство как ту ветвь христианства, которая, по моему убеждению, сумела выявить самое глубинное, сущностное в нем.

В этом состоит экуменический посыл предлагаемой книги. Я убежден, что она будет интересна и православному читателю. Причем я надеюсь, что она не только поможет ему лучше понять представляемую мною другую ветвь христианства, но и глубже задуматься об основах собственного вероисповедания.

В отдельных случаях материал выходит за пределы сугубо догматической области и касается религиозоведческих или этических тем, что, однако, является абсолютно необходимым для понимания особенностей христианского и евангелическо-лютеранского богословия, а также обсуждаемых в нем вопросов.

Глава 1. Смысл богословия и особенности евангелическо-лютеранского богословского мышления

Дать нам подсказку для ответа на вопрос, являющийся заглавием данного раздела, казалось бы, должно само слово «богословие». Оно состоит из двух частей, двух понятных слов: «Бог» и «слово». Однако «теология», калькой с которой является «богословие», содержит в себе изначальное греческое понятие «логос», которое является более сложным. Оно означает не только слово, но и изречение, понятие, логическое построение, закон. Здесь нет смысла разбирать подробно все оттенки смысла этого действительно многозначного понятия. Для начала достаточно просто вспомнить о том, что компонент «логия» (как «разумное речение») входит в название множества наук. А значит, в случае с теологией мы имеем дело с наукой или «разумным речением» о Боге.

Итак, богословие – это «слово» или «наука» о Боге. Причем ключевым в определении является предлог «о». Богословие как слово о Боге нельзя путать, во-первых, с самим словом Божиим и, во-вторых, с человеческим словом, обращенным к Богу, то есть с молитвой. Это совершенно разные формы речи. Одно дело – стихотворение великого поэта, которое волнует нас, и совсем другое дело – критический литературоведческий разбор этого стихотворения. Одно дело – объяснение в любви, которое вы слышите от дорогого вам человека, и другое – учебник по психологии, в котором объясняется, какие психические механизмы заложены в природе человеческой любви.

Отличая богословие от речи, обращенной к Богу, нужно понимать, что говоря о молитве, мы имеем дело с непосредственными проявлениями, речевыми актами веры; а в случае богословия речь идет об их осмыслении, анализе и рефлексии. Получается, что богословие является размышлением, объект которого – то, что возвещается нам или то, что мы говорим Богу в молитве. Поэтому, скажем, следующие привычные для многих лютеран слова: «Всемогущий вечный Бог умилился над нами во Христе Иисусе и ради Него прощает нам все грехи наши...» или другие формы литургического отпущения грехов не являются, строго говоря, богословскими высказываниями. Даже если мы говорим в них о Боге в третьем лице, все равно они остаются в сущности своей речью *от* Бога, а не речью *о* Боге. Такие слова – слова провозвестия, в широком смысле этого слова, – это слово Божие. Но когда мы начинаем размышлять об этих словах, когда мы пытаемся понять, что они означают, тогда мы занимаемся уже именно богословием.

Разумеется, полностью отделять друг от друга эти типы речи тоже нельзя. В слове Божьем, как оно возвещается нам через людей, в наших молитвах могут содержаться элементы рефлексии, размышления – или, по крайней мере, его результаты. Точно так же и размышления о слове Божьем могут стать его носителем. Вполне возможно, что кто-либо придет к вере, прочитав богословскую книжку. Ведь в ней, пусть и в не прямой форме, но все же содержится провозвестие. Нам очень сложно будет сформулировать молитву, особенно литургическую, если мы не будем учитывать в ней результаты богословских размышлений. Эти два типа речи переливаются друг в друга, четкой границы между ними нет. Однако различать их необходимо, поскольку они ставят перед собой совершенно разные цели, их *принцип* различен. Одно дело – это общение с Богом в слушании Его слова или в молитве, и другое – систематизированные размышления о таком общении. Именно этим последним и занимается богословие.

В христианской вере человеческий разум не исключен из процесса веры, а наоборот, активно задействован в нем. Поэтому христианство ощущает острую необходимость в богословии. Христианская весть адресована человеку в его целостности и должна быть воспринята человеком в его целостности, а значит, разумом, точно так же, как и чувствами. Но воспринять

что-либо разумом означает понимать, задавать вопросы, сомневаться и размышлять. Если с вами в жизни происходит что-то прекрасное или, наоборот, страшное, вы обязательно будете стараться разумно постичь происходящее. Если вы к этому не стремитесь, то такое событие, скорее всего, не очень-то вас и волнует. Точно так же и в вере: если она важна для нас, то мы обязательно будем размышлять о ней.

Причем понимание должно происходить снова и снова, хотя бы потому, что в христианском провозвестии мы имеем дело с живым Богом, который постоянно обращается к нам в своем слове, будучи в то же время бесконечно выше как нашего разума, так и наших чувств. Потому никакое понимание не может быть признано абсолютным и достаточным, напротив, оно должно быть живым и никогда не прекращающимся процессом. И это понимание включает в себя не только эмоциональный аспект – хотя и он крайне важен, – но и аспект разумного размышления. Поэтому можно считать, что христианство – это думающая, размышляющая религия, соответственно, она нуждается в богословии.

Однако научность, методичность в богословии подразумевает необходимость самоограничения, в том числе отказ от претензий на абсолютную истинность своих высказываний. Это общее для всех наук обстоятельство.

Научная истина является лишь относительной и всегда может быть уточнена или опровергнута, скажем, новыми открытиями. В той мере, в какой богословие принимает форму науки, это касается и его. Результаты его работы всегда ограничены, всегда могут быть поставлены под вопрос.

Важно, однако, что богослов не может отстраниться от своего предмета исследования, как это может сделать, например, физик, химик, или даже философ. Ведь речь идет о *его собственной* вере, о том, что составляет смысл *его* жизни. Именно поэтому не могут существовать «нейтральные, взвешенные» учебники по богословию, особенно по систематическому богословию: догматике и этике. Ведь все, что говорит богослов, все выводы, к которым он приходит, пропущены через его личность, несут на себе ее отпечаток. Поэтому нет и не может быть объективного изложения систематического богословия или догматики – каждое их изложение будет глубоко субъективным, и данное изложение не исключение. Намеренно объективное изложение означало бы, что автор-богослов сознательно отстраняется от своего предмета, то есть от веры и ее содержания. А если я отстраняюсь от своей веры, то выхожу за пределы богословия, которое существует лишь внутри нее – веры, которую я переживаю, *моей* веры. Вот почему всякое богословие является субъективным. Но именно эта субъективность делает систематику столь интересным и увлекательным занятием.

Лютеранское богословие при этом имеет несколько важных особенностей, которые отличают стиль его мышления от того стиля, который сформировался в других христианских церквях. Во-первых, это упомянутая выше личная вовлеченность и прямота. Лютеранский богослов может и должен не обходить стороной острые вопросы, но смело задаваться ими, пытаться честно решить их и быть готовым пересмотреть свои прежние взгляды, если это понадобится. Для него нет и не может быть запретных тем. Любое богословское высказывание должно снова и снова при необходимости подвергаться проверке. Снова и снова должен вестись поиск нового языка для выражения древних истин. Такой критический подход нужен вовсе не для того, чтобы «ниспровергнуть основы» (как этого иногда опасаются), но, наоборот, для того чтобы разумом укрепить основания нашей веры. Только задавая вопросы, можно получить новые, более глубокие ответы, только в свободе изменять точку зрения можно открыть новые горизонты.

Во-вторых, лютеранское богословие в своей мысли весьма последовательно. Оно не очень любит компромиссы и половинчатые высказывания. Лютеранские богословы предпочитают не останавливаться на полпути, а продумывать все до конца. С самого начала это стало для мно-

гих камнем преткновения. Лютеранское богословие построено во многом на парах противоположных, до предела антагонистических понятий: закон и Евангелие, праведность дел и праведность веры, верующий как грешник и праведник одновременно, мирское и евангельское правление Бога, теология креста и теология славы, сокрытый и открытый Бог и так далее. Богословы многих других конфессий инстинктивно стремятся к достижению в своих системах гармонии и органичного синтеза разных понятий. Для лютеранства характерно другое стремление: максимально подчеркивая различие, контраст между различными понятиями, тем самым заострить свою речь до предела, ничего не пытаясь смягчить или приукрасить.

Со всеми только что описанными особенностями мы не раз столкнемся на страницах этой книги.

Глава 2. Герменевтические предпосылки изучения богословия

В богословской работе с разными высказываниями и текстами – при разборе Священного Писания, размышлениях о догматах веры или рассмотрении традиционных учений – мы с вами, сами того не подозревая, часто сталкиваемся с совершенно чуждым нам образом мышления. Это обстоятельство нередко остается незамеченным, что приводит к массе проблем с интерпретацией тех или иных – особенно древних – христианских текстов. Поэтому крайне важно с самого начала оговорить данную проблему и постоянно помнить о ней, в том числе в процессе собственных богословских размышлений.

Проблема заключается в коренном отличии нашего с вами мышления от мышления людей, живших в прошлом. Игнорирование этого отличия, прочтение древних текстов с нашей, современной точки зрения может привести к фатальным ошибкам!

Мы с вами, выросшие и воспитанные в эпоху торжества естественных наук, привыкли, следуя их канонам, строго различать субъективное и объективное, образ и реальность. Еще для человека XVI века это различие было крайне размытым.

Если мы с вами слышим какую-то историю, то нашим первым вопросом о ней, как правило, становится: «А было ли это на самом деле?». Человеку древности такой вопрос даже не пришел бы в голову, он показался бы бессмысленным: ведь важна не фактическая достоверность той или иной истории, а ее смысл, ее яркость, поучительность, воздействие на слушателей. Это кажется нам совершенно непонятным, однако отголоски такого образа мыслей можно встретить и в современном нам мире. Например, помните, как Белинский назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни»? Художественное произведение, вымышленная история оказалась куда более достоверной, чем масса справочников, энциклопедий и газетных публикаций. Получается, истинность той или иной истории, утверждения, образа может совершенно не зависеть от их исторической, фактической, «объективной» достоверности.

Для человека донаучной эпохи такое восприятие мира было естественным. Рассказывая о том или ином реальном происшествии, он мог легко «прививать», «фантазировать», «додумывать» (как рыбак из многочисленных шуток и анекдотов, рассказывающий о своем улове), и все это с одной-единственной целью – сделать историю более действенной, а значит, более правдивой, более истинной. Нечто подобное происходит сегодня, например, со слухами. Человек может заведомо «присочинить» что-то к достоверной информации, исказить ее, и сам поверить в свое творение. Причем слухи, как показывают исследования, и как свидетельствует практика, обладают значительной способностью оказывать влияние на реальный мир.

В качестве другого примера можно привести обыкновенный анекдот. Когда мы слышим его, то вопрос о достоверности описываемого в нем события – последний, который может прийти нам в голову. Ведь цель анекдота не в том, чтобы точно описать какое-либо происшествие, а в том, чтобы изменить реальность вокруг – заставить нас рассмеяться.

То, что сегодня в древних историях может показаться нам вымыслом и фантазиями, для человека далекого прошлого было способом более выпукло представить истину, сокрытую под унылой, серой, будничной пеленой повседневной действительности. И не просто представить, но дать ей возможность действовать, изменять реальность! Именно так и был написан Новый Завет и другая христианская литература. Читая, скажем, новозаветные рассказы о чудесах, современный человек может прийти к двум выводам: либо это все выдумки (пусть и поэтические), либо это точные и достоверные описания того, что происходило «на самом деле». Так одни становятся атеистами, другие фундаменталистами и фанатиками. Но как то, так и другое заключение будет ошибочным. Оба будут проекцией нашего современного мышления на

древний текст, написанный и живущий совсем по другим законам. Авторы библейских повествований не задавались целью объективно изложить факты, более того, такая цель им даже в голову не могла прийти. Но рассказы о чудесах – это и не просто фантазии. Авторам Нового завета было важно показать значение Личности Иисуса Христа, Его жизни и смерти, – показать для читателей и слушателей этих рассказов и тем самым изменить их мироощущение. А сделать это можно было, только усилив необычность образа Иисуса, в том числе и при помощи таких понятий, как чудо. Представьте, вы говорите своей возлюбленной: «Ты чудо!». Это объективная истина или чистая фантазия? Нелепый вопрос! Ни то, ни другое. Данное высказывание функционирует на совершенно другом уровне. Так и вопрос о том, что является в евангельских рассказах достоверным, а что нет – по своей природе ложный. Помните, как в одном из старых выпусков тележурнала «Ералаш» школьник на уроке делал далеко идущие выводы о климате в Украине, основываясь на одной строчке из поэмы Пушкина «Полтава»? Те, кто стремится увидеть в библейских историях репортажи или историческую хронику, а равно и те, кто считают их пустым вымыслом, одинаково «насилуют» их.

Вопрос об исторической или научной достоверности библейских (или иных традиционных церковных) текстов появляется лишь с развитием естественных наук и потерей человеком той самой изначальной, первобытной целостности мышления, с появлением в его сознании разделения на «достоверное» и «недостоверное». Сейчас такое разделение кажется нам совершенно нормальным, иначе мы и мыслить почти уже не можем. Однако это, как уже было сказано, очень молодое явление в истории человечества. Благодаря такому «раздвоенному» мышлению был совершен прорыв в науке и технике. Ему мы обязаны своим относительно высоким уровнем жизни. Но в нем кроется и опасность. Эта опасность – потеря цельности нашего сознания, потеря нашей человечности.

Вот простой пример. В живописи нам кажется естественной так называемая прямая перспектива, когда близкие предметы изображаются большими, а удаленные – маленькими. Это для нас – нечто настолько само собой разумеющееся, что мы даже не задаем здесь никаких вопросов. Однако прямая перспектива была изобретена лишь в эпоху Возрождения. До этого люди о ней ничего не знали. Неужели они были слепы и не замечали столь очевидных вещей? Или это мы слепы? Посмотрите, как рисуют дети: они еще ничего не знают о прямой перспективе. На их рисунках человек может быть куда больше дома, в который собирается войти. Дети не учились технике живописи и всяким искусственным приемам. Они рисуют так, как действительно видят, и как действительно видим все мы! Прямая перспектива в изображениях, к которой мы настолько привыкли, является фикцией. Нет, конечно же она достоверна, но только если смотреть на мир с точки зрения фотоаппарата, технического устройства. Нас с вами приучили делать так. Но если избавиться от такого искусственно навязанного взгляда, то с изумлением открываешь, что на самом деле видишь мир совершенно иначе. Предметы делятся не на большие и маленькие в зависимости от их удаления, а на те, на которых сосредоточен наш взгляд, на те, которые мы воспринимаем лишь вскользь (кстати, обратите внимание, например, на одну деталь, ускользающую от «художников-реалистов»: такие воспринимаемые вскользь предметы выглядят раздвоенными!) и на те, что мы и вовсе не замечаем. Дети, иконописцы, художники всех времен (кроме последних, «технических» столетий) пытались передать это, ранжируя предметы и фигуры по степени их важности для зрителя, а вовсе не по степени их пространственной удаленности от него. Такой критерий, как пространственная удаленность, для нас сегодня едва ли не единственно важный, показался бы им просто смехотворным, ничтожным! Так видит мир фотоаппарат, но не человек.

Для человека субъективное и объективное всегда неразрывно переплетены. На один и тот же пейзаж вы, будучи в прекрасном расположении духа или в отвратительном настроении, будете смотреть разными глазами. Кому-то жара покажется давящей, угнетающей, а кто-то в это же время и в этом же месте скажет, например: «сегодня солнце весело смеется!».

Но современный человек стремится четко разделить одно от другого: свой субъективный настрой и объективное положение дел. Он стремится смотреть на мир как фотоаппарат. С практической точки зрения это приносит огромную пользу, дает лучшее понимание объективных процессов и тем самым власть над ними. Однако в то же время человек теряет частичку себя самого, обезличивается. Такой сугубо «объективный» взгляд является тем более ошибочным в вопросах мировоззрения, в философских и уж подавно в религиозных. Нам необходимо возвратиться к целостному взгляду на мир, тому взгляду, который включает в себя человека, а не исключает его, или, лучше, вновь обрести этот цельный взгляд уже на другом уровне.

Вопросы веры затрагивают человека целиком, непосредственно касаются как внешнего по отношению к нему, так и его внутреннего мира. Веру, ее содержание невозможно не пропускать через себя, через свое сердце, именно потому здесь не может быть, так сказать, «фотографической», прямой перспективы. Истории, рассказы, суждения, высказывания, касающиеся веры, не могут быть и не являются «достоверными» с исторической или научной точки зрения. Они неизбежно включают в себя субъективный компонент. В них, образно говоря, человек может оказаться выше дерева, солнце быть остановлено на небе, стены разрушиться от трубного гласа, море расступиться, буря стихнуть от простого повеления. Но в этом их сила, а не слабость! Они искажены с точки зрения фотоаппарата, но истинны с точки зрения подлинно человеческого, целостного взгляда на мир.

В этой книге я исхожу из такого цельного взгляда на истории веры, на христианские тексты и высказывания, он является постоянно подразумеваемой предпосылкой. Если понять его, чтение станет куда более легким. Прежде всего, вне такого целостного способа мышления крайне трудно, даже, наверное, невозможно осмысленно говорить о Боге, то есть о Том, Кто, или Что стоит за пределами объективного и субъективного «по определению».

Еще один вопрос, который стоит затронуть в этой части книги, – это то предпочтение, которое мы обычно оказываем именам существительным при восприятии и описании действительности. Реальность мы воспринимаем как набор предметов, находящихся в определенных отношениях и осуществляющих определенные действия. Если моя версия верна, то такое мышление унаследовано нами от греческой античности. По своей природе оно является очень статичным. Иным было мышление людей библейских времен. В нем главное место занимал глагол, то есть действие, динамика. Мир состоял из движений и событий, а не из вещей. Такое мышление, такое видение мира кажется мне куда более верным и куда более подходящим для размышлений о богословских проблемах сегодня. Мы снова и снова будем убеждаться в его необходимости. Человек – это, прежде всего, не тело в пространстве, а событие во времени. Церковь не существует, а совершается. Святой Дух – это не некая «нематериальная субстанция», а движение, порыв, веяние... Для того чтобы понимать богословские вопросы, понимать окружающий нас мир, нам нужно снова учиться активно включать в наше восприятие временное измерение, измерение действия и процесса, учиться мыслить не существительными, а глаголами.

Глава 3. Понятие Бога

Естественно, что основным содержанием нашей веры является Бог. Именно поэтому богословие называется *богословием*. Однако именно понятие Бога оказалось в истории религии и в истории христианства многократно искаженным. Поэтому нам нужно условиться о том, что мы понимаем под этим словом. Трудность заключается в том, что мы не можем дать никакого определения Бога. Оно в принципе невозможно. Ведь само слово «определение» показывает, что речь идет о положении пределов, об установлении границ, что совершенно невозможно в отношении Бога. Мы не можем положить Богу границ, мы не можем определить Его. Мы, вообще, не можем говорить о Нем так, как о вещах или явлениях этого мира. Бог – это не отдельный предмет, наряду со множеством других отдельных предметов. Сама речь о Нем, как об отдельном объекте – уже искажение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.